

ПЕВЕЦ РАБОЧЕГО КЛАССА

К 100-летию со дня рождения Ф. Gladkova

дело всплывало все, что я знал об этом человеке необычайной судьбы.

Деревенское пастушечье детство, скитание с родителями по городам Поволжья и юга России. Жизнь на астраханских рыбных промыслах, среди рабочих Кубани. Здесь он впервые встретился со своим главным героем: рабочим-бунтарем, рабочим-революционером. Тогда же его образ он и попытался запечатлеть в первых своих юношеских литературных опытах.

Тяга одаренного природой мальчика к знаниям привела его в Екатеринодарское шестиклассное училище, окончив которое он стал народным учителем. Так сбылась одна его мечта. Любовь к литературе пробудила у него неодолимую тягу к творчеству. В пору ее зарождения Gladkov познакомился с рассказами М. Горького и, по его признанию, был пленен ими. Завязалась переписка с Горьким, которая имела для Gladkova огромное воспитательное значение. «Каждое его письмо, — рассказывал Gladkov, — было полно глубокого содержания. Для начинающего писателя это была настоящая энциклопедия практических знаний».

Знакомство с известным писателем!.. Я боялся пропустить слово, мне хотелось получить рассмотреть его здесь, дома, без хрестоматийного глянца, и в то же время в памяти то и

Помню, как в ту, первую встречу он достал из шкафа дорогую ему книгу, развернул и показал мне:

— Вот, смотрите. Это от Горького. Первое издание «Дела Артамоновых». Автограф Алексея Максимовича.

На первом белом листе рукой Горького было написано: «Дорогому Федору Васильевичу Gladkovу...»

Однако не только влияние Горького определило писательскую биографию молодого Gladkova. Он сам был революционером-подпольщиком, профессиональными революционерами были и его друзья, он участвовал в событиях 1905 года, пережил Александровский централ и сибирскую ссылку, был в гуще Октябрьской революции, в огне гражданской войны.

Вот каким Gladkov пришел к своему «Цементу». Роман публиковался на страницах журнала «Красная новь» в 1925 году. Это было поистине новаторское произведение, взбудоражившее и без того не очень спокойную литературную жизнь тех лет. Первым в мировой литературе Gladkov запечатлел рождение нового советского рабочего класса, который так же хорошо умеет

строить новое, как и разрушать старое.

В 30-е годы выходит роман «Энергия», задуманный как продолжение «Цементы». Тема — социалистическая индустриализация. «Мне нужно было главным образом, — говорил Gladkov, — отразить рождение новой, социалистической базы промышленности и процесс рождения новых людей в новых условиях. Такая задача стояла передо мной».

Помню одну из наших последних бесед в 1958 году. Я только что вернулся из поездки по Краснодарскому краю, и Федор Васильевич засыпал меня вопросами о жизни в Новороссийске, о людях цементного завода. Пристально, строго и в то же время тепло глядели его живые серые глаза из-под лохматых насупленных бровей. Казалось, он мысленно видел новороссийский завод, осязал тонкую пудру цемента, говорил с давними (а может, предполагал он, будущими) своими героями. Он слушал меня и вспоминал прежние свои поездки.

Материал для «Цементы» и

«Энергия» собирался в командировках, на крупнейших стройках пятилеток, где Gladkov бывал в качестве корреспондента «Известий».

В Новороссийске, на цементном заводе, он жил, имел дружеские связи с рабочими и руководителями, состоял там в партактиве, вел активную работу. Одновременно состоял членом окружкома, был редактором «Красного Черноморья», т. е. вся жизнь города, округа и завода проходила при его активном, ближайшем участии.

На Днепрострое он провел пять лет, с первых ударов лопаты до пуска электростанции. Вся история, вся жизнь, все мелочи быта складывались и изменялись перед его глазами.

И в годы Великой Отечественной Gladkov оставался верен теме рабочего класса. В первые месяцы войны он, спецкор «Известий», командировался на Южный Урал. В одном из писем ко мне Федор Васильевич рассказывал, что в тот период им было написано «кроме художественных произведений, большое количество статей в центральных и мест-

ных газетах — не менее 40 печатных листов... В 1942 году он возвратился в Москву. В течение 1943 г. написал «Мать», «Клятву», «Бойца Назара», «Малашину счастье», «Завет отца», «Машу из Заполя», не считая публицистических статей. Это была исключительно огромная работа по объему... В 1943 году около месяца был на фронте, на передовой линии, на Курско-Орловской дуге, как раз перед великой этой битвой.

Повести «Клятвы», как бы продолжающей темы «Цементы» и «Энергии», предшествовали многочисленным портретам рабочих военного тыла. В одном из таких очерков, «Чуткое сердце», Gladkov со свойственной ему страстью писал: «Красив наш советский человек. Он ненасытен в своих дерзаниях, в творчестве чудес. С особенной силой эта могучая красота проявляется в заводском человеке — рабочем, инженере, даже подростке, оторый как бы сразу преобразуется в атмосфере трудового коллектива, в борьбе за победу». Таков его фрезеровщик Шаронов из «Клятвы»,

рабочий-интеллигент советского времени.

Таков был и сам Gladkov, писатель новой формации, человек удивительной созидательной энергии. Как только он все успевал! Депутат Верховного Совета РСФСР и Моссовета, директор и профессор Литинститута им. А. М. Горького, член Комитета по Ленинским премиям, член правления и президиума Союза писателей СССР, главный редактор журнала «Советский Союз», Gladkov никогда не оставлял напряженную творческую работу. Одна за другой появляются его «Повесть о детстве», «Вольница», «Лихая година», главы незаконченной повести «Мятежная юность». Gladkov говорил об этих автобиографических произведениях: «То, что написал я, — это попытка осмыслить большой жизненный путь народа, частицей которого является мой Федя».

Я приходил к Федору Васильевичу с большим блокнотом и старался застенографировать каждое его слово, даже интонация мне хотелось сохранить. Привожу одну из последних записей:

— Вот уже мне и семьдесят пять, — со вздохом сказал он. — А я чувствую себя молодым. Конечно, не физически, а духовно. Но ведь это главное. — Gladkov вскинул седые брови. Высокий лоб его покрывал глубокими и частыми бороздами. — Многие еще хочется сделать... Хочется рассказать нашей молодежи об ушедшем навсегда прошлом, когда нам, старшему поколению, приходилось ох как нелегко! Очень хочется рассказать о собирании сил рабочего класса в преддверии революции 1905 года, о борьбе пролетариата под руководством ленинской партии, о первой русской революции. Ведь я сам был очевидцем и участником этих событий. Вот об этом я и пишу в четвертой книге автобиографической эпопеи «Мятежная юность». Думаю, если не подведет здоровье, скоро завершу ее.

Судьбы писателей — в руках у времени. Непростое и бурное, мирное и военное, оно мудро и щедро распорядилось талантом Gladkova, талантом, созвучным нашему дню.

Юрий ПУХОВ.